

АРХИВ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
Памяти Егунова А. Н.
(сентябрь 1895–3 октября 1968)

DOI 10.25991/VRHGA.2022.5.4.011

УДК 1 (091)

*Д. Фёдоров, О. Андерсон**

НАСЛЕДИЕ А. Н. ЕГУНОВА
В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ**

Андрей Николаевич Егунов (1895–1968), получивший до революции 1917 прекрасное филологическое образование в Петербурге-Петрограде, смог впоследствии в самое непростое для истории страны время проявить себя как незаурядный деятель отечественной культуры. Он внёс заметный вклад не только в развитие отечественной литературы и как поэт и писатель, и как критический исследователь, но и в развитие отечественной филологической науки, в частности в совершенствование переводческого искусства, особенно перевода с древних языков. И в этой связи наиболее значимый для отечественной науки вклад Егунова заключается в его переводах на русский язык таких важных текстов Платона, как «Законы» и «Государство».

Ключевые слова: А. Н. Егунов, диалоги Платона, перевод с классических языков, переводы Платона, история российской науки.

D. Fedorov, O. Anderson

A. N. YEGUNOV'S HERITAGE IN THE HISTORY OF RUSSIAN SCIENCE

Andrei Nikolaevich Yegunov (1895–1968), who received an excellent philological education in St. Petersburg-Petrograd before the revolution of 1917, was able later, in the most difficult time for the history of the country, to prove himself as an outstanding worker

* Федоров Денис, канд. социол. наук, ст. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта; piarman@gmail.com;

Андерсон Ольга, мл. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта; myfairytale18@gmail.com

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22–28–00671 «Интеллектуальное наследие А. Н. Егунова как исследователя и переводчика античной философии и литературы» в Балтийском федеральном университете имени И. Канта.

of national culture. He made a significant contribution not only to the development of Russian literature, both as a poet and writer, and as a critical researcher, but also to the development of Russian philological science, in particular, to the improvement of the art of translation, especially from ancient languages. And in this regard, Yegunov's most significant contribution to Russian science lies in his translations into Russian of such important texts of Plato as "Laws" and "Statesman".

Keywords: A. N. Egunov, Plato's dialogues, translations from classic languages, Plato's translations, history of Russian science.

На долю русского поэта, писателя и переводчика Андрея Николаевича Егунова выпала не самая лёгкая пора жизни в истории России. Окончив в 1913 г. Тенишевское училище, он поступил на классическое отделение историко-филологического факультета Петербургского (Петроградского) университета, где ему посчастливилось учиться у такого выдающегося учёного, как С. А. Жебелёв. Кроме того, на кафедре в эти годы работали другие не менее замечательные учёные, такие как Ф. Ф. Зелинский, М. И. Ростовцев, Г. Ф. Церетели. Ему было 22 года, когда взраставшая и воспитавшая его Российская империя рухнула и ей на смену пришло молодое и весьма амбициозное Советское государство, готовое смести всё, что принадлежало «прежнему миру». Но Андрей Николаевич в 1918 г. окончил университет, а затем ещё целый год учился на славяно-русском отделении и слушал лекции на романо-германском.

После окончания обучения Егунов был оставлен при университете и продолжал заниматься у профессора С. А. Жебелева до 1923 г. В этом же году появилась его первая публикация — перевод «Законов» Платона: в 27 лет он перевел самый сложный философский текст и перевел превосходно. Академическая карьера начиналась блестяще. Однако в условиях коренной перестройки всей системы образования новой властью... классическое образование пало едва ли не первой жертвой этих реформ [5, с. 11].

Академическая карьера Андрея Николаевича была прервана, и ему пришлось искать себе новое место в «новом мире». И деятельная натура Егунова проявилась в этот период чрезвычайно ярко. Егунов работал научным сотрудником в Академии истории материальной культуры, был одним из организаторов рабфака при Горном институте, преподавал русский и иностранные языки в учебных заведениях Ленинграда, работал старшим преподавателем по кафедре классической филологии в Ленинградском университете. В 1931 преподавал в Военно-морском инженерном училище им. Ф. Э. Дзержинского, руководил там и английским чтением курсантов, особенно во время учебного плавания летом 1932 в Швецию. Эта активная работа Андрея Николаевича не прошла бесследно не только для становления культуры молодого Советского государства, но и сослужила ему добрую службу после его возвращения в Ленинград из лагерей в 1956 г.

Новые культурные веяния не могли не увлечь в свой поток молодого и энергичного учёного, и Егунов, обладая прекрасным филологическим образованием, не мог не погрузиться в стихию царившего в двадцатые и тридцатые годы в России поэтического авангарда. Андрей Николаевич тесно общался с людьми, входившими в литературный круг того времени, особенно дружил с М. Кузьминым и К. Вагиновым, гостил в Коктебеле у Волошина. Эти грани его

дарования несомненно принесли свои плоды, и с течением времени всё более ясно вырисовывается значение Егунова как поэта и талантливого писателя, издававшегося под псевдонимом А. Николев. «Стихи Егунова еще в 1920 году получили одобрение Александра Блока» [12, с. 85]. В этом смысле весьма любопытно замечание современного российского поэта и критика В. Шубинского, что егуновские «стихи поразительно напоминают одну индивидуальную поэтику, которая сложилась в Ленинграде в последние годы жизни Николаева и которой также, к сожалению, не довелось вполне осуществить себя. Я имею в виду Леонида Аронзона. Но Аронзон — в этом можно быть почти уверенным — Николаева не знал и не читал» [13, с. 188]. Кроме этого перу А. Н. Егунова принадлежит роман «По ту сторону Тулы» (1931), оказавший в своё время влияние на творчество К. Вагинова [3, с. 674–675].

Но вклад Егунова в отечественную культуру не ограничивается и его личным литературным творчеством. Его переводы таких античных произведений, как «Эфиопика» Гелиодора (1925) и «Левкиппа и Клитофонт» Ахилла Татия (1932), имеют немаловажное значение для отечественной филологической науки. При этом Андрей Николаевич проявил себя именно как самостоятельный исследователь, поскольку авторитетно утверждал, что «греческие романы, которые его учитель С. А. Жебелёв считал недостойными даже чтения, — это художественная проза. Их следует перевести на русский язык и изучать так же, как и классические произведения Платона или трагиков» [1, с. 390]. Эта позиция, по всей видимости, имела влияние, ибо в 30-е годы в издательстве «Академия» такие произведения издавались неоднократно. Как вспоминал в 1959 г. его коллега и товарищ по группе АБДЕМ А. И. Доватур, Егунов «оказался в роли ведущего переводчика, а остальные не могли не принимать его авторитетных замечаний, хотя формально он не был ни редактором, ни руководителем» [1, с. 390].

Будучи тонким знатоком античного мира, филологом-энциклопедистом, превосходно владевшим древними и новыми языками, А. Н. Егунов был в конце пятидесятых годов прошлого века принят на работу в Пушкинский дом. И в 1960 г. вышел из печати том «Поздняя греческая проза», в котором немалую часть составляют переводы Егунова: отрывки из Марка Аврелия, Филостратов, Псевдокаллисфена и др. Кроме того, «за годы своей работы в Пушкинском Доме А. Н. опубликовал несколько статей по истории взаимодействия русской литературы с литературами европейскими» [1, с. 393]. Однако гораздо более важное значение для отечественной филологической науки имеет его фундаментальное исследование русской переводческой традиции в передаче поэм Гомера. Он подготовил к печати книгу «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков» (1964), «которая не только стала важным научным событием в момент своей публикации, но и классическим образцом историко-литературного исследования» [1, с. 394].

Вот что пишет его коллега София Викторовна Полякова:

А. Н. Егунову принадлежит также почетное место в истории передачи на русский язык древних авторов: он первым в начале двадцатых годов осуществил в этой области ставший сейчас обязательным и составляющий отличительную

особенность русской переводческой школы принцип исторического подхода к оригиналу, то есть передачу не только смысла текста, чем ограничивались дореволюционные и первые послереволюционные переводы античных поэтов и прозаиков... но и своеобразие дикции того или иного автора [9, с. 352].

Переводы А. Н. Егунова были своеобразной формой познания подлинника, где такие понятия, как стиль, представляли в непосредственном художественном воплощении, и перевод оказывался, насколько это вообще достижимо, близнецом оригинала, говорящим на другом языке... [9, с. 353].

Но Егунов «не только подарил русскому читателю ранее ему не известные произведения древнегреческой литературы, но, изучая творчество Феофана Прокоповича, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Н. И. Гнедича, В. К. Кюхельбекера, Н. Г. Чернышевского, И. С. Тургенева и других русских писателей, детально раскрывал русско-античное взаимодействие» [12, с. 87]. Учитывая прекрасную школу, которую прошёл А. Н. Егунов в начале своей жизни, и большой авторитет среди коллег, необходимо также отметить, что влияние его на развитие отечественной филологической науки не ограничивается лишь изданными им переводами и литературоведческими статьями. По свидетельству современников, у Егунова практически до конца дней еженедельно собирались друзья и коллеги. Об этом пишут в своих воспоминаниях Ш. Маркиш [7], А. Гаврилов [3], Т. Никольская.

По воскресным вечерам к Андрею Николаевичу приходило обычно три-четыре человека. Телефона у Егунова не было, и хозяин сам точно не знал, кто будет, но круг потенциальных посетителей был ограничен. Завсегдатаем был Саша Гаврилов, филолог-классик, занимавшийся, помимо античности, творчеством Тютчева, часто забегал исследователь поэзии Михаила Кузмина, переводчик и классик по образованию Гена Шмаков. Из коллег старшего поколения заходили на огонек Аристид Иванович Доватур, Яков Маркович Боровский, Софья Викторовна Полякова [8, с. 231].

И отчасти результатом этого тесного общения стали такие замечательные издания как «Поздняя греческая проза», «Пестрые рассказы» Элиана (1963) и «Византийские легенды» (1972), подготовленные к изданию С. В. Поляковой. Пользовались его советами в своей работе, а главное — заражались его отношением к своему делу и другие участники этих регулярных встреч. Таким образом, вклад А. Н. Егунова в развитие советской филологической науки является, несомненно, весомым.

Андрей Николаевич Егунов сумел преподать своим поздним ученикам многое: подлинное и глубокое понимание русской словесности, новое представление о технике перевода с древних языков, принцип исторического подхода к переводу, то есть стремление воспроизвести не только смысл, но и стилистическое своеобразие античного оригинала. Однако, может быть, самое важное, что он передал своим молодым друзьям, была вера в общечеловеческие ценности, в возрождение, развитие и возвращение культуры [1, с. 389].

Немалый вклад А. Н. Егунова в отечественную филологическую науку очевиден. И всё же главным памятником этого замечательного человека в русской

культуре и науке являются его переводы Платона, начатые ещё в двадцатые годы и продолжавшиеся до последних лет жизни. Андрей Николаевич перевел на русский язык такие фундаментальные тексты Платона, как «Законы», «Послезаконие» и «Государство», а также диалог «Федр». А. Россиус, отмечая тем самым вполне справедливое сожаление, пишет:

В первые десятилетия XX века явились все признаки того, что в скором времени русская культура обогатится таким же благотворным многообразием переводов сочинений Платона, как это произошло в английской, немецкой, французской, а позднее и в итальянской и испанской культуре: не считая в неодинаковой степени удачных попыток XVIII и первой половины XIX столетия, уже имелся перевод В. Н. Карпова, осуществлялся групповой перевод под редакцией С. А. Жебелёва, Л. П. Карсавина и Э. Л. Радлова. Перерыв в этой деятельности, случившийся в первые десятилетия после октябрьского переворота, роковым образом сказался на перспективах «русского Платона» [10, с. 104].

И всё же следует признать, что предпринятое С. А. Жебелёвым, Л. П. Карсавиным и Э. Л. Радловым «Полное собрание творений Платона» каким-то чудом начало осуществляться в эти самые двадцатые годы, и немаловажный вклад в это издание внёс А. Н. Егунов. Да, полный русский Платон тогда, к сожалению, не получился; из 15 запланированных томов в свет вышли только шесть: I, IV, V, IX, XIII, XIV, что составляет около трети платоновского корпуса. Но в этом издании был дан перевод «Законов» (тома XIII–XIV) — фундаментального произведения Платона, — который не успел осуществить в своём «полном русском» Платоне профессор В. Н. Карпов. И этот перевод, который используется и сегодня, был осуществлен А. Н. Егуновым в 1922 г. Также написаны А. Н. Егуновым Введение к «Законам» и «Послезаконию», им же составлены и примечания к этим диалогам.

Сочетание понимания замысла с внутренним отчетом о тех литературных средствах, которые позволят этот замысел донести до читателя, не исказив его и не сделав неясным и смутным, помноженные на литературный дар Егунова, сделали его переводы диалогов Платона действительно классическими [11, с. 225–226].

Немаловажное значение для освоения наследия Платона имеет и факт издания в 1965 г. издательством «Художественная литература» томика избранных диалогов Платона, составителем которого выступил В. Асмус. В этот том, включающий семь диалогов античного философа, вошёл и переведённый А. Н. Егуновым диалог «Федр», но ещё более важно в данном случае то, что Егуновым были отредактированы другие шесть диалогов, вошедшие в этот том, а именно: «Протагор», «Пир», «Ион», «Апология Сократа», «Критон», «Федон»; и при этом архив Егунова, бережно сохранённый семьей Сомских, позволяет проследить основания и логику внесённых им исправлений, что имеет важное значение для продолжения работы по освоению платоновского корпуса сочинений.

В связи с этим особенно важно отметить, что в своих переводах столь сложных философских текстов Егунов проявил не только глубокую эрудицию ученого, но и мастерство переводчика, дарование поэта и прозаика. В этом заключался принципиально новый подход к переводческой деятельности вообще.

В «Законах» А. Н. Егунов сумел реабилитировать Платона как художника и показать, что известный по старым дословным переводам косноязычный и неловкий автор не имеет — при точном сохранении смысла каждой фразы — ничего общего с подлинным Платоном, славившимся в древности изящным стилем не менее, чем философскими построениями... Этот же подход характеризовал позднейшие переводы из Платона — диалог Федр и «Государство» [9, с. 352].

Это осуществленное переводчиком возрождение Платона-писателя было тем более важным, что научная проза в Греции входила в разряд художественной литературы [9, с. 353].

А. Россиус, сетуя на столь долгую отсрочку в отечественной традиции возможности создания «русского Платона» и говоря о несовершенстве и своеобразной несоизмеримости множества существующих на сегодняшний день вариантов, тем не менее, не может не отметить, что егуновские «переводы Платона по праву считаются одними из самых совершенных среди всех русских переводов греческой прозы, не в последнюю очередь благодаря той УДИВИТЕЛЬНОЙ естественности звучания по-русски, какую в его руках обретает греческий оригинал» [10, с. 105]. В связи с этим можно только сожалеть о том, что из пятидесяти лет самостоятельной творческой деятельности Андрея Николаевича Егунова практически половина была потеряна из-за многообразных политических обстоятельств (ссылка, плен, лагеря), правда, сказавшихся на его личной человеческой судьбе, как он сам неоднократно признавался своим друзьям, ещё достаточно милостиво.

Нельзя здесь не отметить также тот факт, что на излёте советского государства в освоении наследия Платона всё же был сделан следующий значительный шаг по отношению к переводам В. Н. Карпова и к изданию шести томов «Академии» в 20-х гг. XX в. — это трехтомник, а затем и четырёхтомник произведений Платона, осуществленный издательством «Мысль» под руководством А. Ф. Лосева. Однако именно об этом, во многом титаническом и важном труде и замечает А. Россиус, что там «яркие и удачные переводы соседствуют иной раз с откровенно слабыми» [10, с. 104]. Таким образом, создание «русского Платона» ещё ждёт своих творцов, и значение фундаментальных переводов А. Н. Егунова, составляющих едва ли не половину всего наследия великого афинянина, для исполнения этой задачи переоценить невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. А.; Ботвинник Н. М. Послесловие // А. Н. Егунов. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. — М.: Индрик, 2001. С. 386–397.
2. Византийские легенды / Под ред. С. В. Поляковой. — Л.: Наука, 1972.
3. Гаврилов А. Журфиксы на Вёсельной // Тыняновский сборник. — Вып. 10. — М. 1998. — С. 670–679.
4. Егунов А. Н., Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. — Л.: Наука, 1964.
5. Кудрявцева Т. В. Одиссея и ultima thule поэта, писателя, антиковеда Андрея Егунова (Николева) // Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950 гг. Личность и власть. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. — Пермь, 2020. — С. 10–19.

6. Литераторы Санкт-Петербурга. XX век. Энциклопедический словарь. — СПб. Изд-во «Книжная лавка писателей», 2019–2021.
7. Маркиш Ш. Старший классик. // Тыняновский сборник. — Вып. 10. — М., 1998. — С. 662–669.
8. Никольская Т. Из воспоминаний об Андрее Николаевиче Егунове // Журнал «Звезда». — 1997. — № 7. — С. 231–234.
9. Полякова С. В. А. Н. Егунов как переводчик древних авторов // Николев А. (Егунов А. Н.). Собрание произведений / ред. Г. Морев и В. Сомсиков. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1993. С. 352–354.
10. Россиус А. А. Русский текст Платона: современное состояние // Платоновский сборник / ред. И. А. Протопопова, О. В. Алиева, А. В. Гараджа, А. А. Глухов, А. В. Михайловский, Р. В. Светлов. — Т. 1. — М.; СПб.: РГГУ; РХГА, 2013. — С. 104–116.
11. Светлов Р., Минак В. А. Н. Егунов как переводчик Платона // Платоновские исследования. — Т. 2 (17). — М.; СПб.: РГГУ; РХГА, 2022. — С. 221–240.
12. Шошин В. Андрей Николаевич Егунов. Одиссея XX века // Распятые. Писатели — жертвы политических репрессий / Сост. З. Дичаров. — Вып. 5. Мученики террора. — СПб.: Изд-во «Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ», 2000. — С. 83–89.
13. Шубинский В. Просто призрак // Новый мир. — 2002. — № 1. — С. 187–189.
14. Элиан. Пёстрые рассказы / Пер. с древнегреч., ст., прим. и указ. С. В. Поляковой. — М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.